

Прощай, глобализация? Привет, «фрагментеграция»! – Мировая экономика и стратегическое соперничество

Ролф Ролофф

Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, <http://www.marshallcenter.org>

Аннотация: Ожесточённая конкуренция великих держав, геополитические сдвиги и внешние потрясения, такие, как мировой финансовый кризис 2008–2009 годов, пандемия COVID-19 и война России против Украины с февраля 2014 года, оказывают давление на мировую экономику. Международная торговля, иностранные инвестиции и глобальные цепочки создания стоимости были перенаправлены и диверсифицированы во избежание рисков. Вместо деглобализации, это привело к «фрагментеграции» мировой экономики, которая стала трёхполярной, регионально и глобально фрагментированной и интегрированной. Мировая экономика не полностью разъединена, она остаётся тесно взаимосвязанной.

Для этой «фрагментегрированной» мировой экономики характерна конкуренция великих держав и растущее использование экономической взаимозависимости в качестве оружия, что затрагивает все сектора многосторонней системы. В этих условиях «цепной глобализации» доминируют конфликты и конфронтация. Однако стратегическая взаимозависимость и разработка инструментов контрпринуждения могут обеспечить «подушку безопасности» игрокам, испытывающим давление великих держав.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, стратегическая взаимозависимость, фрагментация, региональные торговые соглашения, взаимозависимость как оружие, многосторонность, глобальное управление, стратегическое силовое соперничество.

Вступление

Глобальная экономика играет важную роль в силовом соперничестве в современном мире. Изменения в геоэкономике и геополитике последних лет, вызванные системными потрясениями, такими, как COVID-19, война в Украине, цифровизация, автоматизация и изменение климата, резко изменили мировую экономику. Некоторые наблюдатели даже говорят «прощай, глобализация»,¹ утверждая, что она окончена, как «динамичный комплексный процесс экономической интеграции, при котором национальные ресурсы становятся всё более мобильными на международном уровне, а национальные экономики – более взаимозависимыми».² Они считают, что этот процесс сменила ренационализация, регионализация и перенаправление ранее глобальной торговли, инвестиционных потоков и глобальных цепочек создания стоимости.

Сеть глобальной взаимозависимости действительно меняется, вызывая споры о деглобализации, разъединении, уходе от рисков или реглобализации мировой экономики. За последнее десятилетие набрало обороты ещё одно важное явление в международной политэкономии: использование великими державами взаимозависимости как инструмента принуждения и даже оружия, что превращает мировую экономику в поле стратегического силового соперничества. Каковы последствия этих сдвигов для мировой экономики?

Мировая экономика не деглобализуется, а скорее перестраивает свою структуру. Процесс «фрагментации»³ посредством таких практик, как *reshoring* (возвращение домой), *near-shoring* (перенос деятельности в соседние страны), и *friend-shoring* (в дружественные страны), создаёт переплетённую сеть региональных, межрегиональных, многосторонних и глобальных взаимозависимостей с перенаправленными глобальными цепочками создания стоимости, торговыми моделями и прямыми иностранными инвестициями. Руководители компаний теперь рассматривают сбои в цепочках поставок как наибольший краткосрочный риск, что приводит к повышению интереса к *ре-шорингу*, *ниар-шорингу* и *френд-шорингу*.⁴ Цель этих страте-

¹ Elisabeth Braw, *Goodbye Globalization: The Return of a Divided World* (New Haven: Yale University Press, February 2024).

² Philippe de Lombaerde and P. Lelio Iapadre, “International Integration and Societal Progress: A Critical Review of Globalisation Indicators,” in *Statistics, Knowledge and Policy 2007: Measuring and Fostering the Progress of Societies* (Paris: OECD, 2007).

³ Rem Korteweg, “‘Fragmentation’: A New Chapter for Globalisation,” *ISPI – Italian Institute for International Political Studies*, November 4, 2022, по состоянию на 20 июня 2024, <https://ispionline.it/en/publication/fragmentation-new-chapter-globalisation-36614>.

⁴ James J. Nedumpara, “Editorial: Friendshoring, Nearshoring, Greenshoring and Reshoring: Changing Faces of Global Supply Chains and Its Impact on International Economic Law – Introduction to the Special Issue,” *Global Trade and Customs Journal* 19,

гий – создать надёжные и устойчивые цепочки поставок, стимулирующие торговлю и коммерцию с соседними и дружественными странами.⁵

Цифровизация, автоматизация и изменение климата тоже влекут структурные изменения в мировой экономике. Все эти тенденции одновременно ведут к фрагментации и к усилению интеграции мировой экономики. Такие противоположные тенденции ослабляют и создают давление на глобальную сеть взаимозависимостей. В ответ на эти меняющиеся условия государства прибегают либо к сотрудничеству, либо к конфронтации, а управление стратегическими взаимозависимостями становится ключевым компонентом стратегического соперничества. Таким образом, геоэкономика и геополитика являются двумя сторонами одной медали. Как стратегическое соперничество формирует мировую экономику, и каковы последствия этих масштабных сдвигов для управления мировой экономикой?

В первом разделе этой статьи автор анализирует текущие тенденции в мировой экономике в сторону как фрагментации, так и интеграции. Во втором разделе рассматривается растущая тенденция конфронтации и принуждения в рамках глобальных взаимозависимостей. В третьем разделе исследуются последствия «фрагментированной» глобальной экономики для многосторонней системы.⁶ Статья завершается рекомендациями по управлению стратегическими взаимозависимостями в условиях изменений в мировой экономике.

Прощай, глобализация? Фрагментация и интеграция в мировой экономике

Начнем с хороших новостей: глобализация не окончена. Мировая экономика не деглобализуется и не полностью разъединяется. Мы пока не видим, чтобы мировая экономика распалась на совершенно отдельные торговые блоки – термин «геоэкономика» иногда может вводить в заблуждение в этом отношении. Вместо этого в последние годы мировая экономика одновременно фрагментируется и интегрируется вокруг трёх основных центров: Северная Америка (во главе со США), Европейский Союз (ЕС) и ЕАСТ, а также Азиатско-Тихоокеанский регион (с Китаем и Японией, как ведущими экономиками). Китай, США и Европейский Союз – три крупнейшие экономики мира.

no. 3 (2024): 125-128, <https://doi.org/10.54648/gtcj2024035>; Sanjusha Ladi, “Nearshoring, Friendshoring, Offshoring, Reshoring: Top 4 Global Trade Buzzwords Explained,” *Syren Cloud*, May 12, 2024, <https://syrencloud.com/insights/nearshoring-friendshoring-offshoring-reshoring/>.

⁵ Janet L. Yellen, “Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy,” *U.S. Department of the Treasury*, April 13, 2022, по состоянию на 20 июня 2024, <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714>.

⁶ Korteweg, ““Fragmentation”: A New Chapter for Globalisation.”

Сегодня крупнейшими торговыми блоками мира являются:⁷

- *Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP)* – этот блок, оцениваемый в 25,84 трлн. долларов, включает 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Китай, Австралию, Новую Зеландию, Японию, Южную Корею, Сингапур и страны АСЕАН. RCEP считается «самым важным новым многосторонним торговым соглашением с момента формирования единого рынка ЕС».⁸
- *Соглашение США, Мексики и Канады (United States-Mexico-Canada Agreement, USMCA)*, ранее известное как Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), оценивается в 24,37 трлн. долларов и объединяет экономики Северной Америки.
- *Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP)*, созданное в 2018 году в составе Японии, Малайзии, Вьетнама, Австралии, Сингапура, Брунея, Новой Зеландии, Канады, Мексики, Перу, Чили и, с 2023 года, Великобритании. Изначально задумывалось как Транстихоокеанское партнёрство (ТПП) с потенциальным участием США; выход США в 2017 году изменил состав потенциально крупнейшей в мире зоной свободной торговли.
- *Европейское экономическое пространство (European Economic Area, EEA)* – охватывает все 27 стран ЕС, а также Швейцарию, Норвегию, Исландию и Лихтенштейн, и оценивается в 18,85 трлн. долларов. На страны ЕС приходится 14 % мировой торговли, а их совокупный ВВП составляет 16 трлн. долларов, что делает Европейский Союз третьей мира экономикой после Китая и США.
- *Африканская континентальная зона свободной торговли (African Continental Free Trade Area, AfCFTA)*, созданная в 2020 году, нацелена на создание континентального рынка 55 африканских стран с населением 1,3 млрд. человек. По мнению Всемирного банка, AfCFTA может увеличить межафриканскую торговлю примерно на 50 %, а экономику Африки – до 29 трлн. долларов к 2050 году.
- *Общий рынок Южной Америки (Mercado Común del Sur, Mercosur)* – создан в 1991 году в составе Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая и Венесуэлы (её членство приостановлено с 2016 года из-за проблем с правами человека); в качестве ассоциированных членов включает

⁷ Douglas Broom, “These Are the World’s Biggest Trading Blocs,” *World Economic Forum*, April 28, 2023, по состоянию на 20 июня 2024, www.weforum.org/agenda/2023/04/growth-summit-2023-world-biggest-trading-blocs/.

⁸ Broom, “These Are the World’s Biggest Trading Blocs.”

Суринам, Гайану, Колумбию, Эквадор, Перу, Чили и Боливию. Совокупный ВВП блока в 2021 году составил около 2,2 трлн. долларов, что делает его пятой экономикой мира.

В целом, мировая экономика трёхполярна, объединена регионально и тесно взаимосвязана в мировом масштабе.

На мировую экономику в последние 20 лет глубоко повлияли два крупных потрясения: мировой финансовый кризис 2008-2009 годов и пандемия COVID-19. Эти события фактически ознаменовали конец эпохи гиперглобализации, которая определяла период после Холодной войны – Адьедж Бакас называет эту тенденцию «слоубализацией» – замедлением глобализации.⁹ С 1970 по 2008 год доля торговли товарами и услугами в ВВП резко возросла – с 13 % до 31 %, однако с 2008 года (когда мировую экономику поразил мировой финансовый кризис) этот показатель стагнирует, что означает, что мировая торговля растёт такими же темпами, как и мировое производство.¹⁰ Несмотря на это замедление, объём мировой торговли значительно увеличился.¹¹ Так, мировая торговля выросла с 318,02 млрд. долларов в 1970 году до 16,14 трлн. долларов в 2008 году. Финансовый кризис привёл к падению до 12,55 трлн. долларов в 2009 году, но к 2018 году объём

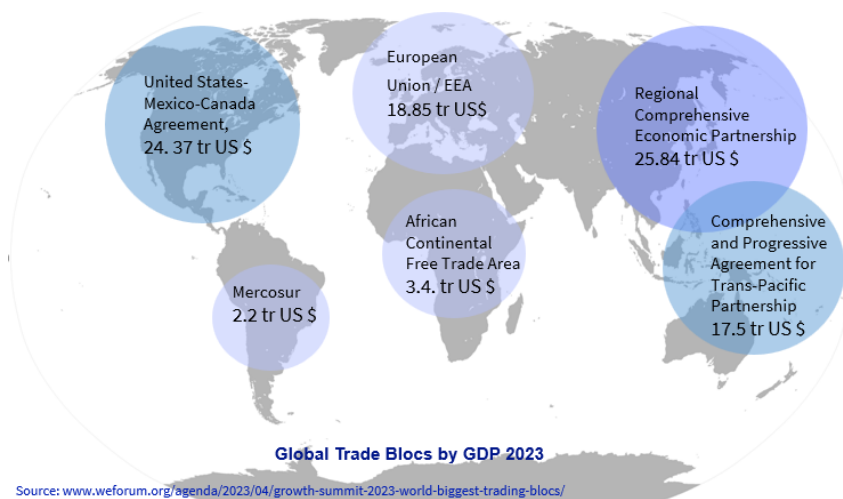

Рис. 1: Торговые блоки мира по ВВП, 2023.

⁹ Christian Keller and Renate Marold, “Deglobalisation: What You Need to Know,” *World Economic Forum*, January 17, 2023, по состоянию на 20 июня 2024, www.weforum.org/agenda/2023/01/deglobalisation-what-you-need-to-know-wef23/.

¹⁰ Gabriel Felbermayr and Guntram Wolff, “Wohin steuert die Weltwirtschaft?” *Internationale Politik* 78, no. 1 (January/February 2023): 19-25

¹¹ См. данные, приведённые в Tugba Sabanoglu, “Trade: Export Value Worldwide 1950-2022,” *STATISTA*, September 29, 2023, по состоянию на 9 марта 2024, www.statista.com/statistics/264682/worldwide-export-volume-in-the-trade-since-1950/.

торговли восстановился до 19,54 трлн. долларов. COVID-19 ненадолго прервал этот рост, в результате чего объём торговли снизился до 17,64 трлн. долларов в 2020 году, но с тех пор он восстановился, достигнув 24,9 трлн. долларов в 2022 году. Это увеличение почти в четыре раза, с 6,45 трлн. долларов в 2000 году, показывает, что мир далек от деглобализации.

На пресс-конференции во время Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2024 года генеральный секретарь ВТО Нгози Оконджо-Ивеала подчеркнула существенную трансформацию и новую динамику мировой торговли. Она отметила, что торговля услугами, особенно цифровая и зелёная торговля, опередила торговлю товарами, что отражает сдвиг в мировой экономике в сторону цифровизации и зелёного перехода.¹² Цифровизация и автоматизация вызывают структурные изменения в мировой экономике не меньше, а может быть, и больше, чем геополитические сдвиги, связанные с подъёмом и падением мировых экономик. Семь из десяти крупнейших компаний по рыночной капитализации в 2024 году были технологическими компаниями, одна – автомобильной, одна – диверсифицированной, и одна – нефтегазовой. В 1980 году шесть из десяти крупнейших компаний были нефтегазовыми, и только одна – технологической.¹³

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые были ключевым фактором и движущей силой гиперглобализации, резко сократились после мирового финансового кризиса 2008-2009 годов. Более пристальный взгляд на тенденции ПИИ вызывает опасения по поводу глобальной экономической интеграции, предполагая потенциальный сдвиг в сторону политически обусловленной геоэкономической фрагментации. Рост геополитической напряжённости и неравные выгоды от глобализации привели к огромному скептицизму в отношении многосторонней системы управления мировой экономикой.¹⁴ В отличие от акцента на экономической эффективности в прошлом, геоэкономическая фрагментация сегодня больше отражает геополитические приоритеты:

Хотя данные торговли пока не указывают на деглобализацию производственных цепочек, политика во многих частях света уже ставит внутриполитические или геополитические цели выше эффективности. Например, в таких стратегических отраслях, как полупроводники или фармацевтика,

¹² Børge Brende, Ngozi Okonjo-Iweala, and Thani Ahmed Al Zeyoudi, "Press Conference: Transformation of Global Trade," *World Economic Forum*, January 18, 2024, по состоянию на 9 марта 2024, <https://weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2024/sessions/press-conference-digital-transformation-of-global-trade/>.

¹³ Steve Randall, "Only One of the World's Biggest Firms of 2000 Is Still in the Top 10 Today: What Were the Biggest Companies in the World by Market Cap in 2000 and 1980?" *Investment News*, September 14, 2023, www.investmentnews.com/equities/only-one-of-the-worlds-biggest-firms-of-2000-is-still-in-the-top-10-today/243474.

¹⁴ JaeBin Ahn et al., "Geo-economic Fragmentation and Foreign Direct Investment," Chapter 4 in *World Economic Outlook: A Rocky Recovery* (Washington D.C.: International Monetary Fund, April 2023), 91, <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2023/April/English/ch4.ashx>.

возможно возвращение цепочек поставок в страну в результате государственной политики.¹⁵

Мировые ПИИ упали с 3,1 % ВВП в начале 2000-х годов до 1,3 % в 2018-2022 годах.¹⁶ По данным World Investment Report 2023, мировые потоки ПИИ в 2022 году сократились на 12 %, до 1,3 трлн. долларов, из-за множества кризисов, таких, как война в Украине, высоких цен на продукты питания и энергоносители, а также рисков рецессии.¹⁷ Однако снижение в регионах было разным: приток ПИИ в развитые экономики сократился на 37 % (с 597 млрд. долларов в 2021 году до 378 млрд. долларов в 2022 году), в то время как в развивающихся странах наблюдался рост на 4 % (с 881 млрд. долларов в 2021 году до 916 млрд. долларов в 2022 году). Европа в 2022 году потеряла 107 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций (по сравнению с 51 млрд. долларов в 2021 году), а приток в Северную Америку сократился на 26 %, с 453 млрд. до 338 млрд. долларов. Приток ПИИ в Африку упал на 44 % – до 45 млрд. долларов, по сравнению с 80 млрд. долларов в 2021 году, а в странах Латинской Америки и Карибского бассейна приток удвоился – со 138 до 208 млрд. долларов. Прямые иностранные инвестиции в Азию остались стабильными – 662 млрд. долларов (см. Рис. 2).

С перенаправлением потоков ПИИ в мировой экономике набирает обороты регионализация. Фрагментация и интеграция в настоящее время являются важными силами, формирующими мировую экономику.

Замедление глобализации – не новость, но фрагментация потоков ПИИ вдоль геополитических линий разлома, потенциально формирующая региональные блоки, стала новым и тревожным явлением для мировой экономики. Президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен ввела термин «de-risking» – «избавление от рисков» – для описания стратегии перемещения производственных процессов и глобальных цепочек создания стоимости в надёжные страны со схожими политическими интересами.¹⁸ Практики возвращения домой, переноса деятельности в соседние и дружественные страны направлены на снижение уязвимости цепочек поставок. Такое перенаправление взаимозависимостей призвано повысить устойчивость

¹⁵ Martina Di Sano, Vanessa Gunnella, and Laura Lebastard, “Deglobalisation: Risk or Reality?” *The European Central Bank (ECB) Blog*, July 12, 2023, по состоянию на 20 июня 2024, <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2023/html/ecb.blog230712~085871737a.en.html>.

¹⁶ Ahn et al., “Goeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment,” 91.

¹⁷ United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), *World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for All* (New York, NY: United Nations Publications, 2023), <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023>.

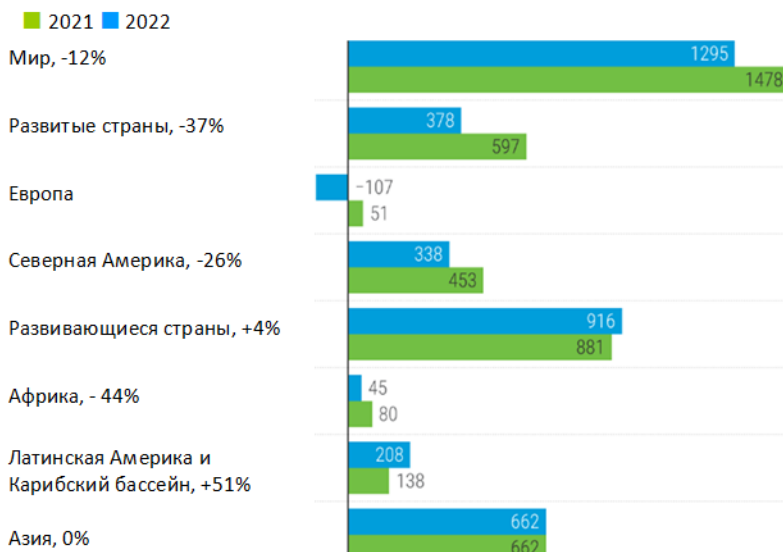
¹⁸ Ursula von der Leyen, “Speech by President von der Leyen on EU-China Relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre,” *European Commission*, Brussels, March 30, 2023, https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/speech_23_2063.

UNITED NATIONS
UNCTAD

Прямые иностранные инвестиции в мире в 2022 году упали на 12%

По субрегионам, в млрд. дол. США, в процентах,
2022 год к 2021 году

Источник: UNCTAD, FDI/MNE database (<https://unctad.org/fdistatistics>)

Рис. 2: Мировые ПИИ по регионам, 2021 и 2022 гг.

экономик к геополитической напряжённости и внешним потрясениям, наподобие COVID-19.

Геоэкономическая фрагментация ПИИ возникла как реакция на глобальные сбои в цепочках поставок во время COVID-19 и на потенциальные угрозы продолжающейся геополитической напряжённости. Технологический прогресс и автоматизация способствовали замедлению ПИИ ещё до пандемии. Однако более важным, чем общее снижение ПИИ, стал региональный сдвиг в потоках капитала, отмеченный в 2015-2022 годах. По данным МВФ, стратегический приток ПИИ в страны Азии начал снижаться в 2019 году, в то время как потоки капитала в США и Европу демонстрировали устойчивость. В 2015-2020 годах стали очевидны тенденции перераспределения – возвращение домой и перенос деятельности в соседние и дружественные страны. США привлекли меньше ПИИ из Китая (-22,1 %) и Азии (-3,2 %), но увеличили их из развивающихся стран Европы (27,6 %), развитых стран Европы (7,5 %) и Америки (18,6 %). Существенно уменьшились ПИИ в Китай из Азии (-49,2 %), развитых стран Европы (-19,7 %), Америки (-13,3 %) и США (-40,6 %), и только развивающиеся страны Европы увеличили свои ПИИ в Китай (13,9 %). Между тем, развитые страны Европы привлекли

меньше ПИИ из Китая (-17,8 %) и Азии (-11,7 %), но больше – из развивающихся стран Европы (9,9 %), развитых стран Европы (9,3 %), Америки (14,9 %) и США (0,6 %).

Возвращение домой, перенос деятельности в соседние и дружественные страны одновременно фрагментировали и интегрировали мировую экономику. Нынешняя тенденция регионализации создаёт проблемы для многосторонней системы, увеличивая риски стратегического соперничества. Хотя перенаправление глобальных цепочек создания стоимости, торговли и ПИИ меняет стратегическую взаимозависимость внутри торговых блоков, это не означает полной деглобализации: эти блоки остаются тесно взаимосвязанными. Эта тенденция в первую очередь обусловлена экономическими соображениями компаний, а не только геополитическими факторами.

Исследование The Economist Impact Trade in Transition Survey 2023 показывает, что перестройка цепочек поставок путём диверсификации, регионализации, возвращения в страну и сокращения числа поставщиков в основном обусловлена снижением затрат (62 %), далее идёт необходимость снижения риска сбоя (58 %), правительственные финансовые стимулы (43 %) и требования локализации (35 %).¹⁹ Геоэкономика и геополитика тесно связаны, но это не означает, что глобальное силовое соперничество полностью подчинило экономическую логику. Оба фактора одновременно влияют на мировую экономику, создавая «фрагментировано-интегрированную» среду, которая сосуществует со стратегическим соперничеством.

Использование экономической взаимозависимости как оружия

В международной политэкономии растущая взаимосвязь и более глубокая интеграция мировой экономики после окончания Холодной войны рассматривались как гарантия мира и стабильности. С расширением глобальной взаимозависимости и более плотной сетью экономических транзакций сотрудничество стало считаться доминирующей моделью международных экономических отношений.²⁰ Гиперглобализация подтолкнула страны к ещё большему сотрудничеству для эффективного управления сложными взаимозависимостями. Логика взаимозависимости основана на снижении издержек и дорогостоящих последствий путём эффективного экономического и политического сотрудничества, что делает эти взаимозависимости выгодными для всех сторон. Эта беспроигрышная ситуация ещё больше способствовала углублению экономической взаимозависимости и создала более плотную сеть взаимоотношений.

¹⁹ Economist Impact, *Trade in Transition 2023: Global Report* (Economist Impact, 2023), 21, https://impact.economist.com/projects/trade-in-transition/pdfs/Trade_in_Transition_Global_Report_2023.pdf.

²⁰ Robert O. Keohane and Joseph S. Nye Jr., *Power and Interdependence*, 4th ed. (Boston: Longman, 2012).

Конфликт и конфронтация контрпродуктивны, поскольку они превращают беспроектную динамику взаимовыгодных взаимозависимостей в сценарий с нулевой суммой. Такой переход от сотрудничества к конфликту постепенно происходил в последнее десятилетие. Генри Фаррелл и Абрахам Ньюман утверждают, что плотная сеть взаимозависимостей создала то, что они называют «цепной глобализацией».²¹ Растущая взаимозависимость привела к появлению новых уязвимостей, конкуренции и возможностей для контроля со стороны государственных субъектов, особенно великих держав. Несмотря на риски, связанные с «цепной глобализацией», страны остаются тесно взаимосвязанными. Взаимозависимость может подтолкнуть государства к экономическому принуждению и шпионажу для получения преимуществ, одновременно противостоя аналогичной тактике соперников. Таким образом, превращение экономической взаимозависимости в оружие становится частью более широкой тенденции «всё превращать в оружие»,²² что ещё больше обостряет силовое соперничество в мире.

Важным аспектом превращения экономической взаимозависимости в оружие является конфликт между великими державами по поводу инфраструктуры мировой экономики. В нашу «эпоху принуждения» геополитика разрушительным образом вмешивается в управление сложной взаимозависимостью. В результате «вся инфраструктура глобализации рискует стать оружием: финансовый сектор, цепочки поставок, энергетика и мировой торговый режим».²³ Несмотря на общую заинтересованность в поддержании глобальной экономической системы, которая полезна всем, ключевые игроки всё больше используют эту систему в качестве оружия и для продвижения своих интересов, тем самым подрывая её общую функциональность. Многосторонние режимы, мировая торговая система, мировые финансы, цепочки поставок, энергетика и технологии стали аренами ожесточённого глобального силового соперничества. Этими системами манипулировали не только посредством санкций, но и влияя на процессы принятия решений в разных секторах и введения мер экономического принуждения, таких, как усиленный таможенный контроль, экономическая блокада, приостановка помощи, запрет на поездки и отмена международных встреч. Это явление экономического принуждения стало глобальным и широко используется не

²¹ Henry Farrell and Abraham L. Newman, “Chained to Globalization: Why It’s Too Late to Decouple,” *Foreign Affairs* 99, no. 1 (January/ February 2020): 70-80, www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2019-12-10/chained-globalization.

²² Mark Galeotti, *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War* (New Haven, CT: Yale University Press, 2022).

²³ Global Agenda Council on Geo-economics, “The Age of Economic Coercion: How Geopolitics is Disrupting Supply Chains, Financial Systems, Energy Markets, Trade and the Internet,” White Paper (Geneva: World Economic Forum, January 2016), 1, https://www3.weforum.org/docs/WEF_Age_of_Economic_coercion.pdf.

только США и Евросоюзом, но и такими странами G-20, как Бразилия, Китай, Индия, Япония, Россия, ЮАР, Южная Корея и Турция.²⁴

С ноября 2008 года Global Trade Alert задокументировала в мире в общей сложности 52 624 случая пагубного вмешательства, дискриминирующих коммерческие интересы других государств, наряду с 1 220 вмешательствами, которые могут причинить вред иностранным коммерческим интересам, и 10 212 вмешательств правительства с пользой для иностранных коммерческих интересов. 55 % этих мер – субсидии, 16,8 % связаны с экспортом, 8 % – торговые инвестиции, 7 % – тарифы, 4,7 % – чрезвычайные меры защиты торговли, и 8,3 % относятся к другим категориям. Большинство этих пагубных мер ввели США (9 868), Китай (6 354) и Бразилия (6 754).²⁵ Основными объектами вмешательства стали такие продукты, как железо и сталь, автомобили, прицепы и полуприцепы, металлоизделия, зерно и фармацевтические препараты.

Поскольку глобальные торговые партнёры всё чаще прибегают к мерам дискриминации иностранных торговых партнёров и используют глобальные цепочки создания стоимости для подрыва экономической безопасности Европейского Союза, 20 июня 2023 года Еврокомиссия ввела в действие Европейскую стратегию экономической безопасности. Эта стратегия направлена на то, чтобы лучше вооружить Евросоюз и его страны-участницы для устранения рисков, связанных с устойчивостью цепочек поставок, физической и кибербезопасностью критической инфраструктуры, а также с использованием экономической зависимости или экономического принуждения в качестве оружия.²⁶ В январе 2024 года Евросоюз ввёл новые инструменты укрепления своей экономической безопасности: проверка иностранных инвестиций, более скоординированный подход к экспорту товаров двойного назначения и оценка потенциальных рисков, связанных с конкретными инвестициями ЕС за рубежом.

Этот подход особенно важен для технологий и в чувствительной сфере полупроводников, где недавно введённый США контроль определённых инвестиций и финансовых потоков в технологический сектор Китая может создать экстерриториальные препятствия для инвесторов из ЕС. Такие действия Китая, как использование ноу-хау европейских компаний для контроля критически важных технологических ресурсов, могут представлять ещё большие риски. Евросоюз был застигнут врасплох в 2022 году, когда администрация США приняла новые законы о контроле экспорта современных полупроводников и средств их производства. Учитывая стратегическое

²⁴ Global Agenda Council on Geo-economics, “The Age of Economic Coercion.”

²⁵ “Global Dynamics,” *Global Trade Alert*, по состоянию на 20 июня 2024, www.globaltradealert.org/global_dynamics/.

²⁶ European Commission, “Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on ‘European Economic Security Strategy,’” June 20, 2023, Brussels, JOIN(2023) 20 final, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023JC0020>.

значение голландских компаний в этом секторе, исключительно важном для глобальной технологической конкуренции, Европейский Союз признал необходимость более жёстких мер.²⁷

Евросоюз не имел достаточных правовых инструментов для сдерживания и противодействия мерам принуждения третьих стран. В ответ Европейская комиссия приняла три предложения контрмер: Регламент по обеспечению соблюдения правил торговли (Trade Enforcement Regulation, TER), Инструмент по борьбе с принуждением (Anti-Coercion Instrument, ACI) и Чрезвычайный инструмент единого рынка (Single Market Emergency Instrument, SMEI). После их введения эти инструменты дадут ЕС возможность противодействовать принудительным мерам третьих сторон, пользующихся параличом многосторонней торговой системы.²⁸

“Фрагментеграция” и многосторонняя система

Использование экономической взаимозависимости как оружия обострило открытый конфликт в многосторонней системе, что привело к параличу Органа урегулирования споров Всемирной торговой организации (ВТО). В этом органе, где должны работать семь судей, назначенных всеми членами ВТО, в настоящее время остался всего один судья. Срок полномочий остальных истек, и США блокируют новые назначения с декабря 2019 года, говоря об обеспокоенности судебной властью органа, который, по их мнению, может чрезмерно вмешиваться в экономическую и торговую политику США. Этот тупик оставил неразрешёнными все текущие торговые споры ВТО. Из 622 дел, возбуждённых с момента создания органа в 1995 году, 177 дел всё ещё ожидают рассмотрения.

Многосторонняя торговая система ещё больше напряжена из-за увеличения числа региональных торговых соглашений, из которых ВТО уведомлена о 361. Поскольку глобальная торговля всё более фрагментируется, великие державы и их торговые союзы всё больше используют многостороннюю систему, применяя меры принуждения для влияния на торговую политику третьих сторон. Например, ЕС сталкивается с усиленным давлением для изменения его политики климата, налогообложения и безопасности пищевых продуктов. Инструмент по борьбе с принуждением дал ЕС законные средства для принятия контрмер.

²⁷ Tobias Gehrke, “A Maker, Not a Taker: Why Europe Needs an Economic Security Mechanism,” *Commentary, European Council on Foreign Relations*, November 9, 2023, по состоянию на 20 июня 2024, <https://ecfr.eu/article/a-maker-not-a-taker-why-europe-needs-an-economic-security-mechanism/>.

²⁸ Waldemar Hummer, “‘Trade Enforcement Regulation,’ ‘Anti-Coercion Instrument,’ und ‘Single Market Emergency Instrument’: Reaktionen der Europäischen Union auf handelspolitische Herausforderungen,” *Integration* 46, no. 1 (2023): 67-74, <https://doi.org/10.5771/0720-5120-2023-1-67>.

Вместо использования многостороннего механизма урегулирования споров, экономически сильные державы всё чаще прибегают к мерам принуждения, что ведёт к ответным действиям и потенциальному снижению открытости торговли. С ростом числа региональных торговых соглашений и перенаправлением торговли и глобальных цепочек создания стоимости нормативный аспект взаимозависимости приобретает всё большее значение. Перенос деятельности в дружественные страны ставит политическое единство выше экономической эффективности. Такой подход вызывает вопросы: только ли демократические страны могут быть «друзьями»? Достаточно ли различия между демократией и автократией, и насколько важны для «дружбы» общие ценности?

Консенсус в том, что открытая торговля изначально выгодна, рушится, уступая место более нормативному подходу к торговле. Фокус сместился на то, как производят и доставляют товары и услуги. Торговые переговоры теперь всё больше сосредоточены на услугах и нормах, а не на механизмах доставки. Сегодняшние торговые соглашения часто увязывают с климатом, правами человека, гендерным равенством и прочими политическими ориентирами. Этот нормативный подход, вероятно, вызовет трения между теми, кто принимает такие условия, и теми, кто их не принимает. Во «фрагментированной» глобальной экономике возникают критические вопросы: насколько торговые партнёры должны быть единомышленниками? Разделят ли они этот нормативный подход к мировой торговле, или разные ценности создадут новые линии разделения?²⁹

К стратегической взаимозависимости в меняющейся мировой экономике

«Фрагментованно-интегрированная» мировая экономика усиливает стратегическую взаимозависимость.³⁰ Разрабатывая стратегии партнёрства, политического сосуществования и конкуренции, её участники должны ориентироваться в многочисленных взаимозависимостях. В этой связи снижение рисков стало более важным, чем полное разделение. Стратегический подход к взаимозависимости позволяет игрокам одновременно заниматься фрагментацией и интеграцией мировой экономики в рамках трёхполярной или многополярной структуры на региональном и многостороннем уровне. Рост напряжённости между США и Китаем ещё больше усложняет управление этими стратегическими взаимозависимостями, создавая потребность в

²⁹ Korteweg, “Fragmentegration”: A New Chapter for Globalisation.”

³⁰ Aslı Aydıntaşbaş et al., “Strategic Interdependence: Europe’s New Approach in a world of Middle Powers,” Policy Brief, *European Council on Foreign Relations*, October 3, 2023, по состоянию на 20 июня 2024, <https://ecfr.eu/publication/strategic-interdependence-europes-new-approach-in-a-world-of-middle-powers/>.

устраивающих всех посредниках.³¹ Евросоюз особенно хорошо подготовлен к работе с такими посредниками, поскольку создание коалиций в условиях многосторонности стало центральным элементом разработки политики ЕС в Совете ЕС.

Мировая экономика не деглобализуется; скорее, глобальное силовое соперничество превращает её в раздробленную, но интегрированную структуру, движимую взаимозависимостью, геэкономикой и геополитикой. Эта развивающаяся структура делает мировую экономику более уязвимой и зависимой от вмешательства великих держав. Если бы нормативный подход к мировой торговле должен был получить широкую поддержку всех стран в рамках многосторонней системы – что сейчас сложно представить – пришлось бы рассмотреть ещё одну структурную проблему и тщательно изучить её последствия: интеграцию Глобального Юга в мировую экономику.

Генеральный директор ВТО Нгози Оконджо-Ивеала верно заметила: «Нам нужно думать о глобализации не так, как это делалось раньше, а по-другому, и сделать так, чтобы те, кто не выиграл в первый раз, выиграли на этот раз».

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Д-р **Ролф Ролофф** – профессор, заместитель декана по научной работе в Европейском центре исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла в Гурмиш-Партенкирхене, и адъюнкт-профессор Университета Бундесвера в Мюнхене. *Электронная почта*: ralf.roloff@marshallcenter.org

³¹ Carla Hobbs, Rafael Loss, Jana Puglierin, and Pawel Zerka, “Multilateral Matchmaker: Exploring Europe’s Potential Partners,” *European Council on Foreign Relations*, February 2024, по состоянию на 20 июня 2024, <https://ecfr.eu/special/multilateral-matchmaker/>.

Библиография

- “Global Dynamics,” Global Trade Alert, по состоянию на 20 июня 2024, https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/.
- Ahn, JaeBin, et al., “Goeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment,” Chapter 4 in *World Economic Outlook: A Rocky Recovery* (Washington D.C.: International Monetary Fund, April 2023), 91-114, <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2023/April/English/ch4.ashx>.
- Aydıntaşbaş, Asli, et al., “Strategic Interdependence: Europe’s New Approach in a world of Middle Powers,” Policy Brief, European Council on Foreign Relations, October 3, 2023, <https://ecfr.eu/publication/strategic-interdependence-europes-new-approach-in-a-world-of-middle-powers/>.
- Braw, Elisabeth, *Goodbye Globalization: The Return of a Divided World* (New Haven: Yale University Press, February 2024).
- Brende, Børge, Ngozi Okonjo-Iweala, and Thani Ahmed Al Zeyoudi, “Press Conference: Transformation of Global Trade,” World Economic Forum, January 18, 2024, <https://weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2024/sessions/press-conference-digital-transformation-of-global-trade/>.
- Broom, Douglas, “These Are the World’s Biggest Trading Blocs,” World Economic Forum, April 28, 2023, <https://www.weforum.org/agenda/2023/04/growth-summit-2023-world-biggest-trading-blocs/>.
- De Lombaerde, Philippe, and P. Lelio Iapadre, “International Integration and Societal Progress: A Critical Review of Globalisation Indicators,” in *Statistics, Knowledge and Policy 2007: Measuring and Fostering the Progress of Societies* (Paris: OECD, 2007).
- Di Sano, Martina, Vanessa Gunnella, and Laura Lebastard, “Deglobalisation: Risk or Reality?” The European Central Bank (ECB) Blog, July 12, 2023, <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2023/html/ecb.blog230712~085871737a.en.html>.
- Economist Impact, *Trade in Transition 2023: Global Report* (Economist Impact, 2023), 21, https://impact.economist.com/projects/trade-in-transition/pdfs/Trade_in_Transition_Global_Report_2023.pdf.
- European Commission, “Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on ‘European Economic Security Strategy,’” June 20, 2023, Brussels, JOIN(2023) 20 final, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023JC0020>.
- Farrell, Henry, and Abraham L. Newman, “Chained to Globalization: Why It’s Too Late to Decouple,” *Foreign Affairs* 99, no. 1 (January/ February 2020): 70-80, www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2019-12-10/chained-globalization.

- Felbermayr, Gabriel, and Guntram Wolff, "Wohin steuert die Weltwirtschaft?" *Internationale Politik* 78, no. 1 (January/February 2023): 19-25
- Galeotti, Mark, *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War* (New Haven, CT: Yale University Press, 2022).
- Gehrke, Tobias, "A Maker, Not a Taker: Why Europe Needs an Economic Security Mechanism," Commentary, European Council on Foreign Relations, November 9, 2023, <https://ecfr.eu/article/a-maker-not-a-taker-why-europe-needs-an-economic-security-mechanism/>.
- Global Agenda Council on Geo-economics, "The Age of Economic Coercion: How Geo-politics is Disrupting Supply Chains, Financial Systems, Energy Markets, Trade and the Internet," White Paper (Geneva: World Economic Forum, January 2016), https://www3.weforum.org/docs/WEF_Age_of_Economic_coercion.pdf.
- Hobbs, Carla, Rafael Loss, Jana Puglierin, and Pawel Zerka, "Multilateral Matchmaker: Exploring Europe's Potential Partners," European Council on Foreign Relations, February 2024, <https://ecfr.eu/special/multilateral-matchmaker/>.
- Hummer, Waldemar, "'Trade Enforcement Regulation,' 'Anti-Coercion Instrument,' and 'Single Market Emergency Instrument': Reaktionen der Europäischen Union auf handelspolitische Herausforderungen," *Integration* 46, no. 1 (2023): 67-74, <https://doi.org/10.5771/0720-5120-2023-1-67>.
- Keller, Christian, and Renate Marold, "Deglobalisation: What You Need to Know," World Economic Forum, January 17, 2023, <https://www.weforum.org/agenda/2023/01/deglobalisation-what-you-need-to-know-wef23/>.
- Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye Jr., *Power and Interdependence*, 4th ed. (Boston: Longman, 2012).
- Korteweg, Rem, "'Fragmentegration': A New Chapter for Globalisation," ISPI – Italian Institute for International Political Studies, November 4, 2022, <https://ispionline.it/en/publication/fragmentegration-new-chapter-globalisation-36614>.
- Lacey, Simon, "What's the State of Global Trade? Here's What We Learned in Davos," World Economic Forum, January 25, 2024, www.weforum.org/agenda/2024/01/the-state-of-global-trade/.
- Nedumpara, James J., "Editorial: Friendshoring, Nearshoring, Greenshoring and Reshoring: Changing Faces of Global Supply Chains and Its Impact on International Economic Law – Introduction to the Special Issue," *Global Trade and Customs Journal* 19, no. 3 (2024): 125-128, <https://doi.org/10.54648/gtcj2024035>.
- Randall, Steve, "Only One of the World's Biggest Firms of 2000 Is Still in the Top 10 Today: What Were the Biggest Companies in the World by Market Cap in 2000 and 1980?" *Investment News*, September 14, 2023, www.investmentnews.com/

equities/only-one-of-the-worlds-biggest-firms-of-2000-is-still-in-the-top-10-today/243474.

Sabanoglu, Tugba, "Trade: Export Value Worldwide 1950-2022," *STATISTA*, September 29, 2023, www.statista.com/statistics/264682/worldwide-export-volume-in-the-trade-since-1950/.

Sanjusha Ladi, "Near-shoring, Friendshoring, Offshoring, Reshoring: Top 4 Global Trade Buzzwords Explained," Syren Cloud, May 12, 2024, <https://syrencloud.com/insights/nearshoring-friendshoring-offshoring-reshoring/>.

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), *World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for All* (New York, NY: United Nations Publications, 2023), <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023>.

Von der Leyen, Ursula, "Speech by President von der Leyen on EU-China Relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre," European Commission, Brussels, March 30, 2023, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063.

Yellen, Janet L., "Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy," U.S. Department of the Treasury, April 13, 2022, <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714>.